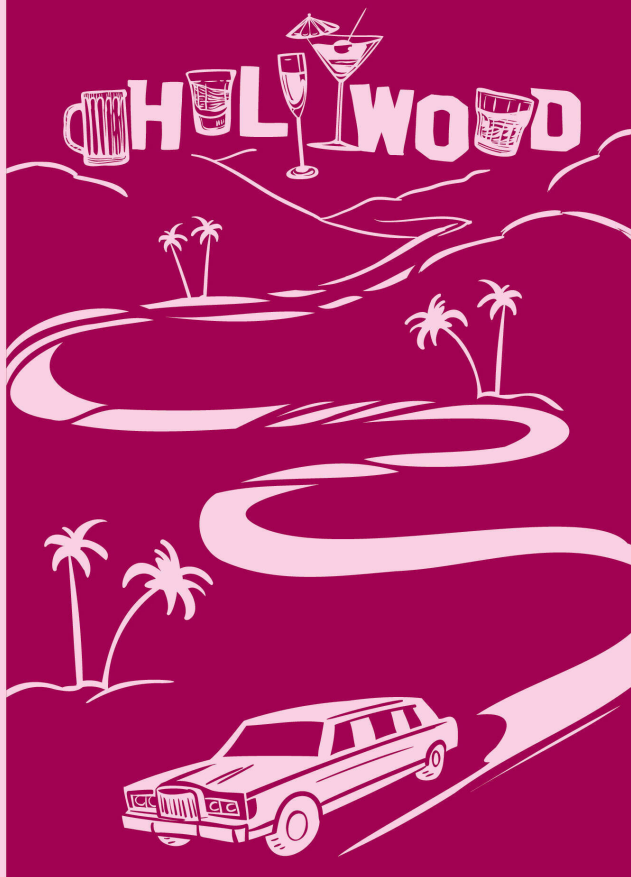

ЧАРЛЪЗ БУКОВСКИ

ГОЛЛИВУД

Чарльз Буковски Голливуд

Предоставлено правообладателями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=627455

Чарльз Буковски «Голливуд»: ЭКСМО, Домино; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-39742-6

Аннотация

В основе романа «Голливуд» лежит реальная история работы самого Буковски над сценарием фильма «Пьянь», который был поставлен режиссером Барбетом Шредером в 1987 году. Главные роли в нем исполнили такие звезды, как Микки Рурк и Фэй Данауэй, а прототипы героев до сих пор легко узнаваемы: Френсис Форд Коппола, Жан-Люк Годар, Вернер Херцог, Норман Мейлер и др.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

68

Чарльз Буковски

Голливуд

От переводчика

Чарльз Буковски не стремился до неузнаваемости зашифровать всех действующих лиц своего документального романа. В некоторых фамилиях он изменил всего лишь одну букву, чтобы непроявленный персонаж все же был опознан. Так, легко угадываем режиссер и продюсер Френсис Форд Лопалла, особенно если вспомнить, что в титрах «Пьяни» упоминается компания «Зоетрон», любимое детище Ф. Ф. Копполы. Столь же узнаваем «известный немецкий режиссер» Вернер Зергог и француз с густыми бровями, заводящий беседу о субтитрах к своему фильму, Джон-Люк Модар. (Можно оценить анаграммность кодировке интеллектуально-изоциренного Вернера Херцога и перевод французского имени Жан в американское Джон – намек на слабость Ж.-Л. Годара к американскому кино.)

Под именем же самого любимого автором персонажа Джона Пинчота скрывается Барбет Шредер. Это его документальный фильм об угандийском диктаторе Иди Амине Дада описывает Генри Чинаски. И наконец, главному герою книги

Буковски подарил имя, которым называли его друзья, – Хэнк, а дражайшая Сара – это, конечно, его жена Линда, бывшая актриса, державшая потом ресторанчик и делившая с мужем склонность к калифорнийскому красненькому. Под именем Франсуа Расина угадывается Гарри Дин Стэнтон, ставший в романе французом, потому что снялся у Рима Рендерса в фильме «Париж, Техас».

* * *

Через пару дней позвонил Пинчот и сказал, что ему нужен сценарий. Не заедем ли мы повидаться?

Он объяснил, как его найти – жил он в незнакомом месте, в какой-то Марина-дель-Рей, – и мы сели в наш «фолькс».

Спустившись к гавани, мы поехали вдоль дебаркадера. По палубам шныряли рыбаки, которых можно было узнать по их робам. Впрочем, большинство из них не обременяли себя трудами ради хлеба насущного. Ибо таковы они были – избранники Божьи на земле вольных людей. А на мой взгляд, лихие раздолбай. Но им на мое мнение, конечно, наплевать.

Мы свернули направо, миновали док и поехали по улицам, обозначенным фантастическими названиями в алфавитном порядке. Нашли нужную нам, свернули налево и въехали во двор, расположившийся прямо на берегу. Отсюда открывался вид на океан, которым можно было любоваться

в уверенности, что тебя не накроет волна. Прибрежный песок казался тут невиданно чистым, вода – голубей голубого, а бриз – ласкающим.

– А знаешь, – сказал я Саре, – ведь мы с тобой угодили прямо в рай. Но что-то меня с души воротит.

– Поменьше обращай внимания на свою душу.

Наш «фолькс» не нуждается в том, чтобы его запирали. Никто в мире, кроме меня, не способен его завести.

Я постучал в дверь.

Дверь отворили изящным жестом, и в нос сразу шибануло артистизмом, пропитавшим каждую черточку человека, который стоял на пороге. Сразу было видно, что этот парень рожден, чтобы Творить (с большой буквы), Творить великое, и в его мире нет места мелочам жизни вроде зубной боли, неуверенности в себе и какой-нибудь вшивой удачи. Словом, он выглядел как самый настоящий гений. А я похож на подавальщика из занюханной пивнушки и потому от таких типов всегда завожусь.

– Мы из прачечной, за грязным бельем, – сказал я.

– Не обращайтесь на него внимания, – вмешалась Сара. – Нас пригласил Пинчот.

– А-а, – протянул хозяин. – Прошу.

Мы было последовали за ним, но он вдруг остановился, обернувшись к нам, демонстрируя свой лучший ракурс, и гаркнул так, словно его должен был услышать весь свет:

– Мне пора выпить ВОДКИ! – и шмыгнул в кухню.

– Джон вчера о нем говорил, – сказала Сара. – Его зовут Поль Ренуар. Он пишет оперы и музыку к фильмам-операм. Ужасно авангардистскую.

– Мне не легче, если моя барабанная перепонка пострадает от глотки гения.

– Какие нежности при нашей бедности! Не все такие деликатные, как ты.

– Вот именно. Но это их проблемы.

– Ты боишься жизни – у тебя это на лбу написано.

– Шаль, я сам до этого не допер.

Появился Поль с выпивкой. Выглядело это шикарно: в стакане светился ломтик лайма, и Поль теребил его стеклянной палочкой для коктейлей. Классно.

– Поль, – поинтересовался я, – а нет ли в доме еще чего-нибудь выпить?

– А, извините, – сказал он. – Угощайтесь, пожалуйста.

Сара сориентировалась первой. Я вошел в кухню следом за ней. Кухня была сплошь заставлена бутылками. Пока Сара присматривалась, я открыл банку пива.

– Начать лучше с чего-нибудь полегче, – предложила моя добрая женушка. – Знаешь ведь, как бывает, когда ты чересчур наберешься.

– Умница. Давай дернем винца.

Я нашел штопор и выбрал бутылку красного.

Мы прилично угостились, потом снова налили по стаканчику и вышли к хозяину. У нас была семейная шутка: мы с

Сарой разыгрывали из себя Зельду и Скотта,¹ но потом бросили, потому что Саре не нравилось, как Зельда кончила, а мне – как Скотт писал. В общем, этот юмор не пошел.

Поль Ренуар стоял у зеркального окна и высматривал что-то в Тихом океане.

– Джон задерживается, – объявил он, обращаясь к оконному стеклу и океанской волне, – но он велел передать, что непременно будет и чтобы вы его дождались.

– Отлично, крошка.

Мы с Сарой сели, держа в руках стаканы. Смотрели на его кроличьи щеки. Он смотрел на океан. И, кажется, что-то мурлыкал.

– Чинаски, – начал он. – Я прочел многое из того, что вы написали. Все это дерьмо собачье. Вам хорошо удается...

– Благодарю. Мы-то знаем, кто хорош без всяких оговорок. Это вы.

– А-а, – протянул он, не отрывая глаз от океана, – очень мило с вашей стороны отдать должное...

Дверь без стука распахнулась, вошла молодая девушка с длинными черными волосами и тут же как кошка растянулась на тахте.

– Меня зовут Поппппи, – сказала она. – Через четыре «п».

– А мы Скотт и Зельда.

Меня шарахнуло в ностальгию.

¹ Буковски имеет в виду Ф. Скотта Фицджеральда и его жену. (Прим. переводчица.)

– Уймись, – буркнула Сара.

Я назвал наши настоящие имена. Поль оторвал взор от океана.

– Поппппи – одна из тех, кто раскручивает ваш сценарий.

– Я еще ни слова не написал, – сказал я.

– Так напишите.

– Вы хотите сказать «не напишете ли?!»

Я взглянул на Сару и поиграл своим пустым стаканом. Сара, умница, взяла его и удалилась на кухню. Она понимала, что, если бы пустила туда меня, я не ушел бы, не продегустировав все имеющиеся там напитки, и тогда уж точно пошел бы вразнос.

Вскоре выяснилось, что Поппппи именовалась еще «принцессой из Бразилии». Как новичку, она отстегивала мне десять тысяч. Негусто. Но эти деньги покрыли бы часть арендной платы за дом и еще кое-что осталось бы на выпивку.

Принцесса, по-кошачьи изогнувшись на тахте, послала мне взгляд.

– Я вас читала. Вы забавный.

– Спасибо.

Я посмотрел на Поля.

– Слышь, сынок, я забавный!

– Вы достигли определенного уровня... – ответил он и шмыгнул на кухню, откуда как раз вышла Сара с нашими стаканами. Она села рядом со мной и ткнула меня в бок.

И тут меня осенило: можно сделать вид, будто я засел за сценарий, и наведываться в Марина-дель-Рей посасывать халавную виски. Но не успел я как следует отвязаться от этой сладостной грезы, как снова распахнулась дверь и на этот раз вошел Джон Пинчот.

– А, вы тут!

– Ага, – сказал я.

– Ну, вроде все на мази. Тебе остается только написать сценарий.

– Но на это уйдут месяцы.

– Это конечно.

Тут вернулся из кухни Поль с какой-то подозрительной смесью для принцессы. Пинчот пошел за своей порцией.

Так началась первая из наших многочисленных встреч, которая, как и последующие, вылилась в пьянку по-черному. Мне это было необходимо, чтобы поверить в свои силы, потому что вообще-то я пишу стихи да рассказы. Писать сценарии всегда казалось мне дурацким занятием. Но в эту идиотскую ловушку попадались люди и поумней меня.

Джон Пинчот со стаканчиком в руке подсел ко мне.

Это был бесконечный вечер. Все говорили и говорили, не знаю даже о чем. Мы с Сарой так набрались, что ни один из нас не мог сесть за руль. Нам любезно предложили остаться на ночь.

В спальне, не зажигая света, Сара разлила по стаканам остатки красненького и спросила:

– Ты в самом деле собираешься писать сценарий?

– Черта с два, – ответил я.

Дня через три-четыре Джон Пинчот позвонил снова. Он был знаком с Денни Сервером, молодым режиссером и продюсером, у которого имелаась своя студия в Венеции. Денни разрешил нам посмотреть у себя в проекционной документашку Пинчота «Зверь смеющийся» – об одном черном диктаторе, который залил свою страну кровью. Мы договорились, что встретимся у Пинчота, выпьем для разгону и отправимся на студию.

Джон открыл дверь, мы с Сарой вошли. Джон был не один. В комнате оказался какой-то парень. У него были необычные волосы – белокурые с сединой. А лицо розовое, даже красноватое. Глаза круглые и голубые, совсем круглые и очень голубые. У него был вид школьника, который собирается отколоть какой-то дьявольский номер. Как я потом убедился, у него всегда был такой вид. Чистый джокер.

– Франсуа Расин, – представил его Джон. – Он снимался у меня и у других режиссеров.

– Причем другие мне платили, – с поклоном отозвался Франсуа.

Джон пошел за выпивкой.

– Извините, – сказал Франсуа, – я сейчас освобожусь.

На столе рядом с ним красовалась электрическая рулетка, колесо которой приводилось в движение нажатием кнопки. Рядом лежали стопки фишек и длинный лист бумаги, запол-

ненный цифрами. Еще была доска для записи ставок. Франсуа сделал ставку, нажал кнопку и сказал:

– Вот моя леди Вертушка, в которую я влюблен. Вошел Джон с выпивкой.

– Если Франсуа не играет, он либо тренируется, либо думает об игре.

Колесо остановилось, Франсуа сгреб выигрыш.

– Я изучил закономерности вращения колеса, – сказал он, – и куда бы ни упал выигрыш, я всегда угадываю.

– Система замечательная, – вставил Джон. – Жаль, что она не срабатывает в казино.

– Меня переигрывает Смертельное Желание, – объяснил Франсуа.

– Хэнк играет на тотализаторе, – сказала Сара. – Ставит на лошадей. Приезжает на все скачки.

Франсуа взглянул на меня с интересом.

– На лошадей, значит! И выигрываете?

– Хочется думать...

– Надо как-нибудь и нам попробовать.

– Обязательно.

Франсуа опять занялся рулеткой, а мы сели рядышком со стаканами в руках.

– Он выигрывает и просаживает сотни тысяч, – сказал Джон. – И вспоминает о том, что он актер, только когда проигрывается в пух.

– Резонно, – заметил я.

– Кстати, – продолжил Джон, – я разговаривал с продюсером Гарольдом Фезантом, и он очень заинтересовался твоим сценарием. Готов войти в дело.

– Гарольд Фезант! – воскликнула Сара. – Я о нем слышала. Он ведь один из тузов в этом бизнесе.

– Правильно, – подтвердил Джон.

– Но ведь никакого сценария еще нет, – напомнил я.

– Чепуха. Он тебя знает. И готов с нами работать.

– Что-то не верится.

– У него нюх, он зря денежки не вложит. Джон опять отправился за новой бутылкой.

– Может, тебе все-таки написать этот сценарий? – шепнула Сара.

– Ты что, забыла, до чего это довело Скотта Фицджеральда?

– Ты же не Фицджеральд.

– Слава богу, нет. Но тебе известно, что он из-за этих сценариев бросил пить? И это его доконало.

Франсуа по-прежнему торчал у рулетки. Вошел Джон с очередной бутылкой.

– Разопьем еще одну и вперед.

– Лады, – сказал я.

– Эй, Франсуа, ты с нами? – спросил Джон.

– Ах, нет, простите бога ради, мне тут кое в чем надо разобратся...

Проекционная была очень славненькая. Перед входом

разместился бар с длинной стойкой, за которой стоял бармен. Механик уже сидел в будке. Денни Сервер отсутствовал.

К стойке приклеились человек семь-восемь. Черт знает кто такие. Я взял водки, а Сара пила что-то то ли малиновое, то ли серое, то ли серо-буро-малиновое. Джон помогал механику заправить фильм. Я заметил, что один парень на табурете с краю нахально на меня пялится. Причем упорно.

– А вы кто такой? – спросил я.

Он помолчал, отхлебнул своего пойла и ответил:

– Я прямо сгораю со стыда, произнося это слово, но... я, видите ли, режиссер.

Так я познакомился со знаменитым немецким режиссером Веннером Зергогом. Он был слегка шизанутый, как говорится, сдвинутый по фазе и обожал вытворять черт-те что со своей жизнью, да и с чужими тоже.

– Могли бы найти занятие получше, – сказал я. Тут появился Джон.

– Пошли, начинаем.

Мы с Сарой вошли в проекционную. Кое-кто из бара потянулся за нами, в том числе Веннер и его подружка. Мы уселись, и Джон сказал:

– Там в баре сидел Веннер Зергог. На прошлой неделе они с женой устроили перестрелку, целили друг в друга, пока пушки не разрядили, но не попали.

– Надеюсь, в кино он удачливее.

– О да.

Свет погас, и экран заполнил «Зверь смеющийся».

Лидо Мамин был масштабным человеком и в физическом плане, и в плане амбиций, а его страна – маленькой и бедной. Зато с большими странами он играл на обе руки, продавая и перепродавая любой товар – от валюты до оружия. В глубине души ему хотелось ни много ни мало, как править миром. Этот чертов ублюдок обладал потрясающим чувством юмора. Он допер до того, что жизнь гроша ломаного не стоит – если, конечно, речь идет не о его собственной. В его владениях всякого, кому случалось вызвать хоть малейшее подозрение в нелояльности, тут же топили в речке. И в ней плавало столько трупов, что крокодилы обожрались и глядеть в их сторону не хотели.

Лидо Мамин обожал сниматься. Пинчот заснял на пленку, как Мамин перед камерой инструктирует своих людей. Его прихвостни сидели и дрожали, а он задавал вопросы и скалился, обнажая желтые зубы. В редкие минуты, когда Мамин никого не убивал или не приказывал убирать, он трахался. У него было больше дюжины жен, а всех детей он и запомнить не мог.

Пока шел инструктаж, улыбка время от времени слетала с его губ и лицо превращалось в маску бога, который мог все. Он чувствовал страх своих центурионов, наслаждался этим страхом и пользовался им.

На этот раз инструктаж обошелся без смертельных исхо-

дов.

Потом он созвал со всей страны врачей. Он собрал их в центральной больнице, в просторной операционной. Они расселись вокруг него, и он начал речь. «Хоть вы и доктор, – вещал он, – но без меня вы дерьмо. Вы думаете, будто чего-то знаете, но это пшик. Натаскали вас кое в чем, вот и все. Так направьте ваши ничтожные знания на благо нашей страны, а не на пользу самим себе. Мы живем в мире, где прав тот, кто выжил. Я научу вас, как пользоваться хирургическим инструментом и как распорядиться жизнью. Будьте благоразумны и не перечьте моей воле. Я не желаю, чтобы ваше образование и навыки пошли прахом. Вы знаете только то, чему вас обучали. А я знаю больше того, чему меня учили. Поэтому вы будете делать то, что я прикажу. Надеюсь, вы хорошо уяснили мои слова. Не так ли? Повисло молчание.

– Может быть, – продолжил Мамин, – кто-нибудь желает мне возразить?

Опять молчание.

Мамин был марионеткой, марионеткой-чудовищем, в своем роде даже замечательной, если забыть о том, что его дерганье приводило в действие адскую машину пыток и убийств.

Однажды Лидо Мамин решил продемонстрировать перед камерой свои военно-воздушные силы. Вообще-то никаких военно-воздушных сил в его распоряжении нет. Пока нет. Но летчиками и обмундированием он уже обзавелся.

– Вот, – провозгласил Лидо Мамин, – наш воздушный флот.

Первый авиатор ринулся бегом по длинной дорожке, составленной из деревянных досок. Скорость у него была очень приличная. Добежав до конца дорожки, он распростер руки и прыгнул. Приземлился.

За ним побежал второй авиатор.

Третий.

Четвертый.

И так их летало четырнадцать или пятнадцать. Взмывая в воздух, каждый из них издавал крик энтузиазма и радостно улыбался. Это создавало странное впечатление – казалось, что участники этого дурацкого действия смеялись над самими собой, но в то же время верили в его грандиозность.

После того как взлетел и приземлился последний авиатор, в кадре появился Мамин.

– Может быть, это выглядит глупо, но для нас это очень важно. Мы еще не имеем соответствующей материальной базы, но наш разум созрел до того, чтобы у нас была своя авиация. И она у нас будет. А пока мы не желаем тонуть в болоте безверия. Благодарю за внимание.

Потом показали камеры пыток. Пустые. Но пол был выпачкан калом и на нем валялись цепи. А на стенах кровь.

– Здесь, – прокомментировал Лидо Мамин, – предатели и обманщики выкладывают всю подноготную.

В последнем эпизоде Мамин красовался в огромном са-

ду в окружении телохранителей, жен и детей. Дети не смеялись и не резвились. Они, как и охранники, молча смотрели в объектив кинокамеры. Жены, наоборот, улыбались, некоторые держали на руках малышей. Лидо Мамин скалил свои крупные желтые зубы. Он казался довольно симпатичным, в него можно было даже влюбиться.

Финальный кадр – река, кишашая откормленными крокодилами. Они покоились на воде с раздутыми брюхами и ворочали выпуклыми глазами, провожая трупы, которые проплывали мимо. Конец фильма.

Это было захватывающее зрелище, и я от всей души поздравил Пинчота с удачей.

– Да, – отозвался он, – меня притягивают неординарные личности. Поэтому я набрел на вас.

– Весьма польщен, – ответил я, – оказаться в компании Лидо Мамина.

– Вот и хорошо, – заключил он, и мы отправились к нему домой.

Франсуа Расин по-прежнему суетился у своей рулетки. Он уже порядочно нагрузился. Лицо его горело. Перед ним громоздилась целая гора фишек. Длинный столбик пепла на его сигаре держался чудом. Потом упал прямо на стол.

– Я выиграл один миллион четыреста пятьдесят тысяч долларов.

Шарик остановился на каком-то номере. Франсуа сгреб очередную порцию фишек.

– Хватит. Нельзя жадничать.

Мы прошли в переднюю, сели. Джон пошел за бутылкой и посудой.

– А что вы собираетесь делать с выигрышем? – спросила Сара.

– Раздам. Суета это все. Жизнь – штука никчемная. Деньги тоже.

– Деньги – как секс, – констатировал я. – Они кажутся необходимыми, когда их нет.

– Литературщина, – сказал Франсуа.

Явился Джон. Открыл первую бутылку и разлил вино по стаканам.

– Вам надо ехать в Париж, – сказал он мне. – Там вас очень высоко ценят. А здесь вы чужой.

– А бега там есть?

– Еще бы! – сказал Франсуа.

– Он терпеть не может разъездов, – вставила Сара. – А бега и здесь есть.

– Не такие, как в Париже, – парировал Франсуа. – Поезжайте в Париж. Вместе пойдем на ипподром.

– Но мне же нужно писать этот чертов сценарий.

– Поиграем на лошадках, потом напишем сценарий.

– Надо подумать.

Джон зажег сигару. Закурил и Франсуа. Сигары были длинные, круглые, и когда их поджигали, издавали шипение.

– Помоги мне Бог, – сказала Сара.

– А мы с Франсуа вчера были в Лас-Вегасе.

– Ну и как? – поинтересовалась Сара. Франсуа сделал большой глоток из стакана, затянулся, выпустил огромное кудрявое облако дыма.

– Слушайте. Слушайте внимательно. Мне поперла удача. Выигрываю пять штук, весь мир у меня в кармане, поймал Бога за бороду. Я все превзошел. Я есмь все. Мне нет преград. Материки трепещут. И тут Джон хлопает меня по плечу и говорит: «Пошли глянем на Тэба Джонса». «Кто такой Тэб Джонс?» – спрашиваю. «Да какая тебе разница, – отвечает, – пошли, да и все».

Франсуа осушил стакан. Джон подлил ему еще.

– Ну вот, идем куда-то там. Тэб Джонс. Поет. Рубаха на груди расстегнута до пупа. Грудь волосатая. Лоснится от пота. На голом теле болтается огромный серебряный крест. Рот разевает. Штаны в обтяжку. Поглаживает яйца и поет о том, как нужно ублажать женщину. Поет отвратительно и сам мерзкий до жути. Поет про женщин, но это все липа, по нему сразу видать, что ему-то мужик нужен. Меня прямо затошнило от него. И мы еще за это бабки платили. Ну, поделом нам, дуракам. Кто такой этот Тэб Джонс? Ему платят большие тыщи за то, что он чешет яйца и на груди у него блестит крест. Люди добрые голодают, а этот идиот – кумир публики! Бабы визжат! Они думают, что он настоящий! Этот-то картонный шут, который во сне мочит постель... Я говорю: «Джон, бога ради, давай слиняем, у меня крыша поехала и

вообще я сейчас концы отдам!» «Погоди, – отвечает, – может, дальше будет лучше». Но получается не лучше, а хуже, этот парень орет все громче, еще больше вылезает из рубашки, пупком сверкает. Смотрю, женщина, которая рядом со мной, лезет себе в трусы. «Мадам, – спрашиваю, – вы что-нибудь потеряли?» Пупок у него похож на закрытый глаз и грязный. На него даже птичка побрезговала бы капнуть. И тут этот Тэб Джонс поворачивается и высовывает из штанов свой зад. А мы за свои бабки должны любоваться этой жирной, дряблой, отвратительной задницей! Я немало перевидал за свою жизнь. Однажды, например, меня ни за что ни про что поколотил один фараон. Ну, почти ни за что. Но глядя на эти мерзкие ягодицы, я чувствовал себя пакостней, чем когда меня отделявал тот парень с дубинкой. «Джон, – взмолился я, – смываемся, или мне крышка!» Джон улыбнулся:

– И мы ушли. И мне правда хотелось поглядеть на Тэба Джонса.

Франсуа дошел до белого каления. На губах у него выступила пена. Он брызгал слюной, кончик сигары намок и потемнел.

– Тэб Джонс! Кто такой этот Тэб Джонс? На кой черт он мне сдался? Тэб Джонс – дурак! Мне светило пять тыщ, и что мы делаем – идем смотреть Тэба Джонса! Что он мне, брат или сват? Дурак!

– Итак, – прервал его Джон, – мы вернулись к рулетке.

– Да, – согласился Франсуа. – Вместо того чтобы загрести

пять штук, мне пошли глазеть на этого мудака. Сбил мне всю игру. Что за Тэб Джонс такой? Что я, попсы не видал? Где я? Рулетка крутится, а я стою, вышибленный из игры. Какие ставки? Какие цвета? Мне уже ничего не светит. Я потерял ориентировку. Голова идет кругом. Концентрация нарушена, я проигрываю, и этого не поправишь. Поняв, что шансов у меня нет, я с отчаяния поставил на кон все, что у меня было. Я разом совершил все ошибки, какие только можно было сделать. Как будто мной овладела какая-то вражья сила. Я был раздавлен. И все почему? Потому что пошел посмотреть Тэба Джонса. Кто же такой этот долбаный Тэб Джонс, я вас спрашиваю.

Франсуа изошел яростью и сник. Сигара вывалилась у него изо рта. Сара подняла ее и положила в пепельницу. Франсуа тут же достал из кармана новую, обрезал, размял в пальцах, сунул в рот и, в секунду собравшись, ловко зажег. Потом протянул руку за бутылкой, разлил по стаканам и улыбнулся:

– Черт, я бы, наверное, все равно проигрался. Но игрок, который не может найти извинительного предлога для своего проигрыша, – человек конченный.

– Литературщина, – сказал я.

– Шаль, я не умею писать, а то накорябал бы сценарий вместо тебя.

– Благодарю.

– Сколько он вам платит?

Я сделал неопределенный жест рукой.

– Я напишу сценарий, а гонорар разделим пополам, идет?

– Идет.

– Нет, – вмешался Джон, – вы что, за дурака меня держите? Я уж как-нибудь сумею узнать руку автора.

– Черт с тобой, – сказал Франсуа. – Пускай тебе пишет Тэб Джонс своим хреном.

На том мы и сошлись, за что и подняли стаканы. Начинаясь замечательная ночь.

Я сидел на табурете, привалившись к стойке в баре Муссо. Сара пошла в туалет. Здесь у стойки было хорошо, стойка как стойка, а зал мне не нравился. Он назывался новым залом. Старый зал был с другой стороны, я ходил туда поесть. Там было сумрачно и тихо. В былое времечко я брал меню, пробежал его глазами, бросал официанту «ну ладно, это потом» и заказывал выпивку. Иногда я приводил с собой дам не слишком безупречной репутации, мы понемножку набирались, начиналась перебранка, их голоса звучали все громче, содержимое стаканов лилось мимо глоток, и они требовали еще и еще выпивки. Тут я выдавал дамам деньги на такси, просил удалиться и дальше напивался уже один. Вряд ли эти денежки шли по назначению. Когда бы я ни закатился в бар Муссо, погуляв на стороне, меня неизменно встречали ласковыми улыбками. Как ни странно.

И вот я сидел, привалившись к стойке, в новом зале ябло-

ку негде было упасть, набились по большей части туристы, они галдели и выворачивали шеи от любопытства, а глаза их горели адским огнем. Я попросил бармена налить мне еще, и тут кто-то хлопнул меня по плечу.

– Как дела, Чинаски?

Я обернулся. У меня никуда не годная зрительная память. Я могу проболтать с вами целый вечер, а наутро не вспомню, кто вы такой. Если бы мою мамашу выкопали из могилы, я бы и ее не признал.

– В порядке. Взять вам что-нибудь выпить?

– Нет, спасибо. Мы не знакомы. Я Гарольд Фезант.

– А, да. Джон говорил, вы собираетесь...

– Вот именно. Хочу финансировать постановку вашего сценария. Я читал ваши книги. У вас отличное чувство диалога. Читал, читал. Это очень кинематографично.

– Вы вправду не желаете выпить?

– Нет. У меня дела в конторе.

– Ну как знаете. А чем вы в последнее время занимаетесь, Фезант?

– Только что закончили фильм о жизни Мака Деруака.

– Неужто? И как называется?

– «Сердечная песня».

Я сделал большой глоток из стакана.

– Вы, должно быть, шутите. Вы что, всерьез назовете фильм «Сердечной песней»?

– Да, он будет называться именно так. – Он ослабился.

– Не дурите меня, Фезант. Нет, ну вы и хохмач! Надо же, Деруак – и «Сердечная песня»! С ума сойти!

– Нет, – сказал он, – я не шучу. Он повернулся и ушел.

Тут вернулась Сара. Она взглянула на меня с подозрением.

– Чего это ты дыбишься?

– Позволь мне тебя угостить, и я отвечу. Заодно я долил и себе.

– Угадай, кого я сейчас встретила в старом зале, – сказала Сара.

– Кого же?

– Джонатана Уинтерса.

– А-а. А теперь сама угадай, с кем я болтал в твое отсутствие.

– Да с какой-нибудь старой шлюшкой.

– Нет. Хуже.

– Хуже не бывает.

– Я разговаривал с Гарольдом Фезантом.

– Продюсером?

– Да. Вон он сидит за столиком в углу.

– Ой, правда!

– Не оглядывайся. И не маши. Пей лучше. И я с тобой.

– Да в чем дело-то?

– Он, видишь ли, собирался дать деньги под сценарий, которого я не написал.

– Знаю.

– И вот пока тебя не было, он подошел ко мне потреться.

– Повторяешься.

– Пить отказался.

– Это так на тебя подействовало, что сам сидишь трезвый как стеклышко.

– погоди. Он рассказывал про фильм, который они только что кончили.

– И ты что же, его засрал?

– Он сам засрал.

– Ну конечно. В чем все-таки дело?

Я посмотрел в зеркало. Вообще-то я себе нравлюсь, только не в зеркальном отражении. Оно на меня не похоже. Я допил свою порцию.

– Допивай, – сказал я Саре. Она послушалась.

– Так в чем дело?

– Ну что ты заладила: в чем дело, в чем дело...

– Какая у тебя цепкая память. И трезвый ты просто на диво.

Я махнул бармену, заказал еще выпить.

– Этот Фезант, значит, рассказывал мне о своем фильме. Он про писателя, который не умел писать, но прославился, потому что виду него был, как у чемпиона родео.

– Это про кого же?

– Про Мака Деруака.

– И это тебя огорчило?

– Да нет, на это мне как раз наплевать. Но он сказал, как фильм называется.

– И как же?

– Ради бога, не спрашивай. Я пытаюсь вытеснить это из памяти. Чушь несусветная.

– Скажи.

– Ну ладно...

Чертово зеркало маячило прямо перед глазами.

– Скажи, скажи, скажи!

– Ладно. «Обломки разбитого вдребезги».

– Мне нравится.

– А мне нет. Я ему так и сказал. И он ушел. Мы потеряли нашего единственного спонсора.

– Надо подойти и извиниться.

– Никак невозможно. После такого названия.

– Ты, небось, хотел бы, чтобы поставили фильм о тебе.

– Идея! Я напишу сценарий о самом себе!

– Название уже готово?

– А как же! «Разбитая жизнь».

– Давай мотать отсюда. С тем мы и ушли.

Мы назначили встречу с Джоном Пинчотом в вестибюле гостиницы «Бeverли-Хиллз» на два часа. Приходилось терять целый день, но Джон настаивал именно на этом часе. Он нашел парня, какого-то Жан-Поля Санраха, у которого своих денег не было, но он умел доставать их прямо из

воздуха. Про него говорили, что, тряхни он садовую статую, из нее посыплется монеты. Он ждал нас в номере 530.

Где-то там обретался и Джон-Люк Модар, французский режиссер. Пинчот уверял, что он тащится от моих книжек. Гениально.

Дражайшая Сара сопровождала меня на случай, если мне понадобится посторонняя помощь, чтобы добраться домой. К тому же ей надо было убедиться, что в 530-м не засели в осаде старлетки.

Джон сидел в вестибюле в громадном кожаном кресле и наблюдал за местной шизанутой публикой. Увидев нас, он поднялся, расправил плечи. Джон большой парень, но хочет казаться еще больше.

Мы поздоровались и пошли к лифту.

– Ну, как продвигается сценарий?

– Зреет помаленьку.

– О чем он?

– О пьяни.

Открылись двери лифта. Кабина была очень уютной. Отделанная мягким темно-зеленым материалом с набивкой из павлинов. Множества павлинов. Даже на потолке красовались павлины.

– Класс, – сказал я.

– Перебор, – фыркнула Сара.

Лифт остановился на пятом этаже, и мы вышли. Пол был застлан той же зеленой ворсовой материей с павлинами. Топ-

ча этих павлинов, мы подошли к номеру 530. Дверь в номер габаритами больше походила на ворота рыцарского замка.

Джон стукнул в дверь металлическим молоточком в виде головы Бальзака.

Ответа не последовало.

Он постучал еще раз, погромче.

Мы молча ждали.

Дверь медленно растворилась. Перед нами стоял мужчина, бледный как бумага.

– Анри-Леон! – воскликнул Джон Пинчот.

– Джон! – воскликнул Анри-Леон. И обратившись к нам, добавил: – Прошу!

Мы вошли. Номер был огромный. И все в нем было гигантское. Громадные кресла, длиннющие столы. Широкие стены. Высокие потолки. Тем не менее запах в комнате был какой-то застоявшийся, и поэтому, несмотря на масштабы помещения, создавалось ощущение могильной тесноты.

Нас представили друг другу.

Бледный мужчина был Анри-Леон Санрах, брат Жан-Поля Санраха, доставалы. Кроме него в комнате находился Джон-Люк Модар. Он молча и неподвижно стоял посреди комнаты. Закрадывалось подозрение, что он изображает гения. Был он невысокий, смуглый и выглядел так, будто только что неудачно побрился дешевой электробритвой.

– А, – сказал, обращаясь ко мне, Анри-Леон, – вы дочку захватили! Я слышал, вашу дочку зовут Рина?

– Нет, – ответил я, – это Сара. Моя жена.

– Там на столе выпивка. Много разных вин. И еда. Угостайтесь. А я пойду приведу Жан-Поля, – сказал Анри.

С этими словами он вышел в соседнюю комнату. А Джон-Люк Модар прошествовал в дальний угол, расположился и усталился на нас. Мы подошли к столу.

– Открой красненькое, – сказал я Пинчоту, – открой сразу побольше.

Пинчот начал действовать открывалкой. Еда была разложена на серебряных блюдах.

– Не ешь мяса, – предупредила меня Сара. – И пирожных. Слишком калорийно.

Боги ниспослали мне Сару, чтобы жизнь моя продлилась лет на десять. Боги то и дело толкают меня на край пропасти, чтобы послать спасение в последнюю минуту. Чудные они, эти боги. Теперь вот заставляют меня писать сценарий. А мне не хочется. Конечно, если бы я взялся, то написал бы хорошую вещь. Не гениальную. Но хорошую. Я насчет литературных дел ушлый.

Пинчот разлил вино. Мы подняли бокалы.

– Французское, – опознал Пинчот. Сара почмокала от удовольствия. Пристроившись у стола, мы могли видеть, что делается в соседней комнате. Анри-Леон пытался оживить огромное тело, возлежавшее на громадной кровати. Тело не поддавалось.

Я видел, как Анри-Леон, набрав полные пригоршни ле-

дяных кубиков из вазы, принялся растирать ими щеки, лоб и грудь лежавшего.

Тело оставалось неподвижным.

Наконец оно приподнялось и застонало: «Что же ты делаешь, сукин сын? Ты же меня заморозишь!»

– Жан-Поль, Жан-Поль, к тебе посетители!

– Посетители? Какие, к черту, посетители! Нужны они мне, как собаке блохи! Пошел отсюда и дай им пинка под зад! На фиг их! К чертовой матери!

– Жан-Поль, Жан-Поль, им назначено... Это Джон Пинчот и сценарист.

– О черт, ну ладно... Сейчас я... Надо сначала поправить-ся... Подожди...

Анри-Леон вышел к нам.

– Сейчас выйдет. Ему пришлось пережить тяжелый удар. Он надеялся, что его бросает жена. А нынче утром – бац! – каблограмма из Парижа: она передумала. Его чуть кондрашка не хватила. Просто в угол загнала беднягу.

Мы не знали, что и сказать.

Потом выкатился Жан-Поль. Белые брюки в широкую желтую полоску. Розовые носки. Туфель не было. Кудрявые каштановые волосы не нуждались в расческе. Он чесал грудь под рубашкой. Точнее, под футболкой, рубашка отсутствовала. В отличие от брата, он был очень крупный и весь розовый. Даже красный. Этот красный колер на его лице то линял почти до белизны, то разгорался с новой силой.

Нас представили друг другу.

– А, – повторял он при этом, – а, а.

И вдруг встрепенулся:

– Где Модар?

Оглянулся и увидел Модара, укрывшегося в уголке.

– Опять прячешься, да? Черт побери, хоть бы что-нибудь новенькое придумал.

С этими словами он опять кинулся в спальню и захлопнул за собой дверь.

Модар легонько кашлянул, а мы налили себе еще винца. Оно было отличным. Жизнь была хороша. В кругу этих людей удобно считаться писателем, художником или танцовщиком, можно позволять себе все, что угодно: сидеть, стоять, дышать, пить вино и делать вид, что мир у тебя в кармане.

Опять ввалился Жан-Поль. Мне показалось, что он обо что-то ударился – остановился, потер плечо, почесался и снова двинулся вперед. Дойдя до стола, он стал размеренно ходить вокруг него, восклицая:

– Все мы тут с дыркой в жопе, правильно? Ну, у кого дырки нет, объявись!

Джон Пинчот толкнул меня локтем в бок:

– Гений, правда?

А Жан-Поль все кружил по комнате и орал:

– Все мы с дыркой в жопе, так? Вот здесь, посередке, так? Говно ведь отсюда вываливается, я правильно рассуждаю? По крайней мере, мы каждый раз ждем, что это произойдет.

Что мы без говна? Нет нас! Сколько же мы за свою жизнь высираем, а? И все идет в землю! Геки и моря насыщаются нашим говном! Мы мерзкие грязные твари! Ненавижу! Каждый раз, вытирая задницу, я ненавижу человечество!

Он остановился, взгляд его упал на Пинчота.

– Тебе ведь денег надо, правильно? Пинчот улыбнулся.

– Ладно, недоносок, найду я тебе денег, – сказал Жан-Поль.

– Спасибо. Я вот как раз сказал Чинаски, что вы гений.

– Заткнись!

Жан-Поль обратил свой взор на меня.

– Что мне у тебя нравится, так это умение взбудоражить.

Тех, кто в этом нуждается. А им несть числа. Оставайся таким же святым идиотом, и в один прекрасный день услышишь звоночек из самого пекла.

– Уже слышал. И не раз.

– Ба! От кого же?

– От старых подружек.

– Ты меня разочаровал, – простонал он и опять заколесил вокруг стола, расчесывая пузо.

Наконец, описав последний, самый большой круг, он вырुлил в спальню, захлопнул за собой дверь и затих.

– Мой брат, – сказал Анри-Леон, – неважно себя чувствует. У него неприятности.

Я наполнил стаканы.

Пинчот наклонился ко мне и прошептал:

– Они живут в этом люксе уже несколько дней, едят и пьют и ничего не платят.

– В самом деле?

– Счет оплатил Френсис Форд Лопалла. Он считает Жан-Поля гением.

– «Любовь» и «гений» – самые употребляемые слова, – сказал я.

– Ну что за хреновину ты понес, – сказала Сара, – ты брось эту хреновину вонючую.

На этих словах выплыл из своего угла Джон-Люк Модар и подошел к нам.

– Налей-ка и мне этого дерьмеца, – попросил он.

Я налил ему бокал до краев. Джон-Люк выдул его одним махом. Я налил еще.

– Я читал вашу фигню, – сказал он. – Она замечательна своей простотой. У вас мозговой травмы не было?

– Может, и была. В тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году из меня вытекла почти вся кровь. Я двое суток провалялся в подвале больницы для бедных, пока на меня не наткнулся какой-то сумасшедший ординатор, у которого сохранились остатки совести. Я тогда понес значительные потери, и, наверное, не только физические, но и умственные.

– Это одна из его любимых баек, – вмешалась Сара. – Хотя я его и обожаю, но когда столько раз выслушиваешь одно и то же...

– Я тоже обожаю тебя, Сара, но когда рассказываешь од-

ну и ту же историю множество раз, она делается все больше похожей на правду.

– Ну ладно, пупсик, извини, – сказала Сара.

– Послушайте, – начал Джон-Люк, – напишите-ка титры к моему новому фильму. И еще мне хочется вставить в него эпизод по одному из ваших рассказов, где один парень получает временную работу в какой-то конторе, отвечает там на звонки, такая вот мура. Согласны?

– Согласен, – ответил я.

Мы уселись в кресла и начали пить как следует. А Джон-Люк начал говорить. Он говорил и говорил, глядя только на меня. Сперва я чувствовал себя польщенным, но потом мне надоело.

Джон-Люк говорил без остановки. Он изображал гения и вошел во вкус. Может, он и был гением. Мне-то что. Но я сыт гениями по горло еще со школьной скамьи. Шекспир, Толстой, Ибсен, Дж. Б. Шоу, Чехов и прочие зануды. Ну, эти еще ладно, а были и похуже: Марк Твен, Готторн, сестры Бронте, Драйзер, Синклер Льюис, прямо спасу от них не было, обложили кругом, ни охнуть ни вздохнуть без их наставлений, они и мертвого подняли бы.

А Джон-Люк все говорил. Больше я ничего не помню. Только то, что время от времени дражайшая Сара приговаривала: «Хэнк, не пей много. Осади малость. Ты же помрешь к утру».

А Джон-Люк все крутил свою шарманку.

Я давно перестал вникать в его слова. Видел только шевелящиеся губы. Он не вызывал раздражения, он был вполне приятным человеком. Разве что неважно выбритым. Но мы пребывали в дивном отеле «Бeverли-Хиллз», где ходят по павлинам. В волшебном мире. Мне тут нравилось – я в жизни ничего такого не видал. Совершенно бессмысленный, совершенно безопасный мир.

Вино лилось, Джон-Люк говорил.

Я потихоньку отключился. Когда я общаюсь с людьми, хорошими или дурными, чувства мои притомляются, я перестаю воспринимать слова и сдаюсь на милость собеседника. Сохраняю вежливость. Киваю. Делаю вид, что во все вникаю, потому что не желаю никого обижать. И моя слабость не раз ввергала меня в серьезные неприятности. Пытаясь быть добрым с другими, я превращаю свою душу в питательный бульон.

Впрочем, плевать. Мозг отключается. Я слушаю. Реагирую. Еще никому не достало ума сообразить, что меня рядом нет.

Вино лилось, Джон-Люк говорил. Он наверняка сказал массу удивительного. А я весь сосредоточился на его бровях...

Наутро, в одиннадцать часов, когда мы с Сарой лежали в постели, зазвонил телефон.

– Алло?

Это был Пинчот.

– У меня новости.

– Слушаю.

– Модар ужасно неразговорчивый. Никто на свете не мог бы выжать из него такой поток слов! Ты единственный, кому это удалось! Он трепался несколько часов без продыху! Невероятно!

– Слушай, Джон, извини, но мне худо, я хочу спать.

– Ладно. У меня еще новости.

– Валяй.

– Насчет Жан-Поля Санраха. Ну?

– Он говорит, что мне нужно пострадать, что я еще не настрадался как следует, а когда настрадаюсь, он даст денег.

– Ну и хорошо.

– Странный он, правда? Вот что значит настоящий гений.

– Да, – ответил я, – так оно и есть. И положил трубку.

Сара еще спала. Я повернулся на правый бок, лицом к окну, чтобы не захрапеть ей прямо в ухо.

Не успел я погрузиться в сладкую тьму, напоминающую о вечном покое, как Сарина любимая кошка Красотка соскочила со своей подушечки у хозяйкиного изголовья и прошлась по моей голове. Когтистая лапка попала мне в ухо. Кошка спрыгнула на пол, взлетела на подоконник открытого окна и обратила мордочку на восток. Поднявшееся к зениту солнце не вызвало у меня прилива бодрости.

Вечером, сидя за машинкой, я выдул один за другим два стакана вина, выкурил три сигареты, прослушал по радио

Третью симфонию Брамса и наконец понял, что не заведусь без толчка.

Я набрал номер телефона Пинчота. Он оказался дома.

– Алло?

– Джон, это Хэнк.

– Ну, как ты, Хэнк?

– Отлично. Слушай, я решил взять десять процентов.

– Но ты же говорил, что аванс затормозит творческий процесс.

– Передумал. Да и творческий процесс еще не начался.

– То есть?...

– То есть я все прокрутил в башке, но еще ничего не написал.

– А накрутил что?

– Сценарий будет о пьяни. Об алкаше, который день и ночь торчит у стойки.

– Ты думаешь, это кого-нибудь может заинтересовать?

– Знаешь, Джон, если бы я собирался кого-нибудь заинтересовывать, я бы ни строчки не написал. Ни в жизнь.

– Ну ладно. Привезти чек?

– Не надо. Пришли по почте. Сегодня же. Спасибо заранее.

– Тебе спасибо, – отозвался Джон.

Я вернулся к машинке и сел. Она была в полном порядке. Я напечатал:

Пьяница грустный с душою нежной.

Бар Дэнди. День.

Камера панорамирует сверху вниз, медленно приближается к стойке. На табурете сидит молодой человек. Похоже, он провел здесь целую вечность. Он подносит к губам стакан...

Ну, слава богу, стронулся с места. Самое тяжелое – написать первую строчку, дальше пойдет само собой. Надо только завестись – и покатит, как по рельсам.

Я будто сам очутился в баре. Почувствовал неистребимый запах мочи, который достанет тебя, где бы ни сел. Чтобы его перебить, надо немедленно выпить. Чтобы он не успел тебя пронять, надо опрокинуть четыре-пять стаканчиков. Перед моими глазами как живые встали завсегдатаи бара: их тела, и лица, и голоса – все это было со мной. И я был среди них. Видел, как в тонкую стеклянную кружку льется струя пива, и белая пена пузырясь плывет через край. Пиво совсем свежее, и после первого глотка кружки эдак четвертой надо вздохнуть, задержать воздух – и понеслась... Утренний бармен был хороший парень. Диало пошел как по маслу. Я строчил без передышки...

Потом зазвонил телефон. Междугородная. Звонил мой агент и переводчик из Германии Карл Фосснер. Карл говорил на особом языке, на котором, как ему казалось, объясняются американские хипы:

– Эй, ебарь хренов, как дробится?

– Нормально, Карл, а ты как, не даешь заржаветь своей

отвертке?

– Ага, уже с потолка сперма капает.

– Молодец.

– Спасибо, сынок. У тебя учусь. Кстати, сынок, у меня хорошие новости. Сказать какие?

– Сыпь, сынок!

– Ты, небось, думаешь, я тут задницей «Дикси» высвистываю, а я перепер три твои книжки: стихи «Вши судьбы», рассказы «Сны в выгребной яме» и роман «Пожарная станция».

– Готов отдать тебе левое яйцо, брат.

– Беру. Высылай авиапочтой. Но у меня еще не все.

– Не томи.

– В прошлом месяце у нас была книжная ярмарка, я вел переговоры с шестью крупнейшими издателями, и позволю доложить: они хотят тебя со всеми потрохами.

– С моими потрохами?

– Со всей твоей писаниной. Врубаешься?

– Помаленьку.

– Я пригласил всю шестерку к себе в отель, выставил пиво, вино, сыр и орешки. И объявил, что принимаю заявки на предоплату трех твоих книг. Они заржали и накинулись на выпивку. Короче, эти засранцы у нас в руках. Они знают, что ты в хитах. Я подпустил пару шуточек, они расслабились, я начал торги. Подробности тебя не касаются, ну, в общем, Крумиф расщедрился больше всех. Я подписал с ним контракт. Потом и с остальными. Эти ублюдки надрались в леж-

ку, а Крумпф, понятно, больше всех. В общем, тебе подфартило. Ты знаменит, как Эррол Флинн.

– Ну ты и фраер, Карл. И сколько же мне обломится?

– Сынок, где-то тыщ тридцать пять! На днях перешлю телеграфом.

– Ни хрена себе!

– А ты думал! Выбился в гении, мать твою рас-так!

– Еще как выбился!

На этом разговор кончился.

В несколько минут я превратился в значительное лицо.

Тридцать лет голодухи и безвестности уходили в прошлое.

Я вернулся за машинку, щедрой рукой налил винца, принял и повторил. Нашел огрызок сигары, зажег. По радио передавали Шестую симфонию Шостаковича. Я ударил по клавишам:

Бармен Люк, перегнувшись через стойку, разглядывает сидящего перед ним молодого человека.

Люк. Слушай, я смотрю, ты отсюда не вылезает. Сидишь и лакаешь целыми сутками.

Молодой человек. Ага.

Люк. О'кей, мне, конечно, вообще-то плевать, но это дело до добра не доведет.

Молодой человек. Ничего, Люк, не беспокойся. Главное, следи за отстоем пива.

Люк. Насчет этого будь спокоен, парень. А тебе что – больше делать нечего?

Молодой человек. В шестом классе... Да, в шестом.

Училка велела написать сочинение: самый памятный день в моей жизни. Мне больше всего запомнилась поездка в Денвер.

Люк. Так-так.

Молодой человек. Но я написал про лягушку, которую нашел в саду возле дома. Она запуталась в проволоке у забора. И не могла выбраться. Я освободил ей лапки, а она все равно не двигалась.

Люк (*зевая*). Ну и что?

Молодой человек. Я взял ее в руки и стал с ней разговаривать. Сказал, что тоже попал в ловушку, что меня тоже зацепили. Долго говорил. И она наконец прыгнула с ладони, заскакала по лужайке и исчезла в кустах. Это было первое существо, которое я пожалел.

Люк. Ну и что?

Молодой человек. Училка прочитала это в классе. Все рыдали.

Люк. Ну и что?

Молодой человек. Ну и я подумал, что могу стать писателем.

Люк (*перегнувшись через стойку*). Ну ты и чудило!

Я решил, что на сегодня хватит. И, сидя за машинкой, стал слушать радио. Не помню, как я очутился в постели. Но утром проснулся именно там.

* * *

Итак, в шестьдесят пять лет я выбирал первый в своей

жизни дом. Помнится, мой отец мечтал об этом всю жизнь. Он говорил мне: «Вот за труды всей жизни я куплю дом. Ты его унаследуешь, а со временем купишь свой и оставишь сыну два дома. А твой сын...»

Этот процесс казался мне ужасно нудным: дом за домом, смерть за смертью. Десять поколений – десять домов. А потом родится умник, который за один присест продует все это добро в карты или сожжет одной спичкой.

И вот теперь я выбирал дом, который был мне на фиг не нужен, и писал сценарий, который совсем не собирался писать. Меня затягивало в эти жернова, и я чувствовал, что не в силах противиться ходу вещей.

Первая контора по продаже недвижимости, в которую мы обратились, находилась в Санта-Монике. Называлась она «Дома XXI века».

Мы с Сарой вошли в офис. За столом сидел молодой парень при галстукe, в красивой полосатой сорочке и в подтяжках. Вид у него был официальный. Он деловито перебирал бумажки. Оторвавшись от своего занятия, бросил на нас взгляд.

– Чем могу служить?

– Мы хотим купить дом, – ответил я.

Молодой человек отвернулся от нас и уставился в стенку. Прошла минута. Две.

– Пошли отсюда, – сказал я Саре. Мы сели в машину, я нажал на стартер.

– И как ты это объяснишь? – спросила Сара.

– Не захотел возиться. Сидел себе человек, читал, а тут мы, шваль какая-то. Чего время терять!

– Но ведь это не так.

– Так или не так, но нас ткнули мордой в дерьмо.

Правда, ощущение было поганое. Конечно, у меня на лбу написано, что я с бодуна, небрит, одет черт-те во что. И годы бедности наложили на меня свой отпечаток. Но разве можно судить о человеке только по внешности? А слова? А поступки?

– Мать честная, – засмеялся я, – того и гляди, нам вообще никто дом не продаст!

– Этот парень просто дурак, – сказала Сара.

– Но его контора располагает самой большой сетью недвижимости в штате.

– Он дурак, – повторила Сара.

Ощущение униженности не проходило. Может, я и в самом деле какой-то ублюдочный и единственное, что умею, – стучать на машинке? И то нерегулярно.

Дорога резко пошла в гору.

– Куда это нас занесло? – спросил я.

– Топанго-каньон называется.

– Выглядит подозрительно.

– Да нет, вполне нормально. Если не обращать внимания на грязь и хипарей.

Я заметил вывеску – «Обезьяний рай». Это был бар. Я

припарковался к тротуару, мы высадились. Вход блокировала целая куча мотоциклов.

Мы вошли в зал, набитый молодняком в кожанках и грязных шарфах. Лица многих исполосованы шрамами. Много бородатых, по большей части недомерков. Глаза у всех какие-то выцветшие, круглые и пустые. Казалось, эти люди приклеились к стульям и неделями не сходили с мест.

Мы нашли пару свободных табуретов.

– Два пива, – распорядился я, – и бутылку какого-нибудь пойла.

Бармен засеменял выполнять заказ.

От пива нам с Сарой сразу полегчало.

Я заметил, что с другого конца стойки на нас уставилась чья-то рожа. Круглая и слегка дебильная. Ее обладателем был молодчик с грязно-рыжей шевелюрой и такой же бородой. С абсолютно белыми бровями. Нижняя губа отвисла, словно ее тянул вниз невидимый груз. Рот слюнявый.

– Чинаски, – выговорил он. – Сукин сын, Чинаски!

Я чуть кивнул.

– Один из моих читателей, – сказал я Саре.

– О! – отозвалась она.

– Чинаски! – услышал я голос справа.

– Чинаски! – эхом откликнулось еще откуда-то. Передо мной на стойке появилось виски. Я поднял стакан: «Спасибо, ребята!» – и опрокинул.

– Не так резво, – сказала Сара. – Не забывай, где ты нахо-

дишься. А то мы с тобой отсюда никогда не выкатимся.

Бармен принес еще виски. Он был коротенький, с багровыми шрамами по всему лицу. И выглядел покруче своих клиентов. Он встал возле нас и уперся в меня глазами.

– Чинаски, – сказал он. – Величайший в мире писатель!

– Если вы настаиваете, – ответил я, взял стакан и передал Саре, которая махнула его залпом.

Сара кашлянула и поставила стакан на стойку.

– Это чтобы тебе меньше досталось. Вокруг нас потихоньку скапливался народ.

– Чинаски, Чинаски... Мать твою... Я все твои книжки прочитал. Все до единой! Надо же – могу вот так запросто хлопнуть тебя по заднице! Чинаски, давай дернем на пару! Хочешь, я тебе твой стишок прочитаю?

Я расплатился, и мы дали ходу. Мне опять бросились в глаза кожаные куртки, бледность и атмосфера безрадостности.

Что-то жалкое было во всех этих беднягах, я почувствовал безотчетную тоску, и мне захотелось протянуть к ним руки, обнять и утешить, как какому-нибудь Достоевскому, но я, слава богу, смекнул, что они только рассмеются мне в глаза.

Этот мимолетный приступ сострадания гроша ломаного не стоил.

Они проводили нас до машины. «Чинаски, Чинаски... А кто эта прекрасная леди? Ты ее не стоишь, парень! Чинаски,

куда же ты, выпей с нами! Будь человеком! Будь таким, как твоя писанина, Чинаски, не будь мудаком!»

Они, конечно, имели на меня право. Мы сели в машину и медленно двинулись сквозь толпу, которая нехотя расступалась, посылая нам воздушные поцелуи. Кто-то хлопнул ладонью по стеклу... Я вырулил на шоссе.

– Значит, это и есть твои читатели? – спросила Сара.

– Да, видимо, мой основной контингент.

– А порядочные тебя совсем не читают?

– Надеюсь, что читают и они.

Дальше мы ехали молча. Потом Сара спросила:

– О чем ты думаешь?

– О Деннисе Боди.

– Кто такой Деннис Боди?

– Мой единственный школьный друг. Я думаю, что стало с ним теперь.

По дороге я увидел вывеску «Недвижимость. Фирма „Радуга“».

Я припарковался. Место для стоянки было плохо вымощено, в ямах и выбоинах. Мне удалось найти более-менее ровную площадку. Мы пошли в контору. Прямо на пороге сидела жирная грязно-белая курица. Я поддел ее носком. Она встрепенулась, выпустила дерьмеца, впорхнула в комнату, выбрала местечко в уголке и уселась.

За столом сидела дама лет сорока пяти, костлявая, с пря-

мыми седыми волосами, украшенными красным бумажным цветком. Она прихлебывала пиво и курила «пэлл-мэлл».

– Ах, батюшки, здрасте! – обрадовалась она нам. – Ищете что-нибудь в наших краях?

– Можно сказать и так, – ответил я.

– Будем считать, вы так и сказали! – захохотала она.

Дама, не отрываясь, допила пиво и протянула мне визитку:

«РАДУГА». ПРОДАЖА НЕДВИЖИМОСТИ.

У НАС ЕСТЬ ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО.

ЛАЙЛА ГРАНТ, К ВАШИМ УСЛУГАМ.

Лайла поднялась с места.

Не заперев дверь конторы, она села в машину. Это была «комета» 1962 года выпуска. Я сразу ее узнал, у меня когда-то была такая. Она выглядела точь-в-точь, как моя крошка, когда я продавал ее на металлолом.

Мы пристроились в хвост и поехали вверх по извилистой грязной дороге. Несколько минут мы передвигались в крошечной тьме. Улицы не освещались совсем, а по обеим сто-

ронам зияли пропасти. Я подумал, что ехать тут поздно вечером, без огней и сильно поддавши, не так уж безопасно.

Наконец мы подкатили к некрашеному деревянному дому. Когда-то, конечно, его красили, судя по всему – в грязновато-белый цвет, но время почти не оставило на нем следов былой красоты. Дом здорово осел, накренился вперед и набок. И был он большой и какой-то родной.

Вот что значит, подумалось мне, брать аванс за ненаписанный сценарий и пользоваться услугами налогового консультанта.

Мы ступили на крыльцо, и доски прогнулись под нашей тяжестью. Я весил двести двадцать восемь фунтов – за счет жира, а не мускулов. Ах, молодость, где ты! Когда-то я весил сто сорок четыре при росте в шесть футов: то были времена, когда мне нечего было жрать и хорошо писалось.

Лайла стукнула в дверь.

– Дарлин, золотко, ты в порядке? Соберись, дорогая, принимай гостей, желающих осмотреть твой замок! Ха-ха-ха!

Лайла толкнула дверь, и мы вошли.

Внутри было темно и воняло подгорелой индейкой. Крылатые тени металась по стенам. На шнуре болталась голая тусклая лампочка. Изоляция ободралась, провода обнажились. У меня по спине пробежал холодок. Предвестник страха. Но меня успокоила мысль, что за такую развалюху дорого не запросят.

Из тьмы возникла Дарлин. Огромный накрашенный рот.

Растрепанные волосы. Глаза, источающие доброту, которую не одолели прожитые годы. Рыхлая фигура затянута в джинсы и выцветшую блузку в цветочек. В ушах голубые клипсы, похожие на глазные яблоки. В пальцах самокрутка. Дарлин бросилась нам навстречу.

– Лайла, ты спятила? Что стряслось?

Лайла взяла у Дарлин самокрутку, затаилась и тут же отдала.

– Как поживает твой одноногий придурок братец Уилли?

– А, черт его задери, опять загремел в тюрьму. Ему скучно делается, когда его не имеют по-крупному.

– Не бойсь, кто на него позарится!

– Думаешь?

– Не сомневайся.

– Ну, дай бог.

Нас представили друг другу. Повисло молчание. Мы стояли, будто нам отшибло память и мы позабыли, какого черта сюда закатились. Мне это даже понравилось. Простою, думал я, сколько получится. И сосредоточился на разлохматившемся шнуре с лампочкой.

Медленным шагом вошел худой мужчина. Он ставил вперед одну ногу, потом осторожно подтягивал вторую. Шел как слепец без палки. Подгрел к нам. Лица не видать в густой кудрявой бороде. Но глаза были замечательные. Темно-зеленые. Изумруды, а не глаза. В общем, стоило ехать, чтобы увидеть этого сукина сына. И улыбка у него была грандиоз-

ная. Он приблизился еще. Остановился и все улыбался, улыбался.

– Мой муж, – представила его Дарлин. – Двойной Квартет.

Он кивнул. Мы с Сарой тоже кивнули. Наклонившись ко мне, Лайла прошептала:

– Они раньше в кино работали.

Сара стала подавать признаки нетерпения.

– Ну ладно, давайте посмотрим дом.

– Конечно, дорогая, ноги в руки – и за мной.

Мы двинулись вслед за Лайлой в соседнюю комнату. Оглянувшись, я увидел, как Двойной Квартет взял у Дарлин самокрутку и сделал затяжку.

Черт побери, и чудные все же были у него глаза! И впрямь – зеркало души. Но улыбка – это уже перебор.

Мы оказались не то в передней, не то в гостиной. Мебель отсутствовала. Только к стенке был прицеплен за конец пустой водяной матрас, на котором красной краской красовалась надпись: «ПАУК ПОЕТ В ОДИНОЧЕСТВЕ».

– Гляньте-ка сюда, во двор, – сказала Лайла. – Прелестный вид!

Мы выглянули в окно. Двор был под стать дороге, по которой мы ехали, только еще хуже: выбоины, грязные лужи, камни. Валялся разбитый унитаз.

– Очень мило, – сказал я. – Оригинально.

– Обитель художников, – пояснила наша посредница.

Я тронул занавеску, висевшую на окне. Кусок, за который

я взялся, тут же отвалился.

– Эти люди погружены в свой внутренний мир, – сказала Лайла. – Они не обращают внимания на житейские мелочи.

Мы стали подыматься наверх. Лестница оказалась на удивление прочной. Ее добротность как-то сразу примирила меня с остальным.

В спальне тоже ничего не было, кроме водяного матраса, на сей раз наполненного. Он одиноко притулился в углу. И почему-то вздулся с одного края, так что казалось, что он вот-вот лопнет.

Ванная была выложена плиткой, но пол так давно не мыли, что она почти исчезла под слоем грязи.

Коричневая краска, которой был выкрашен туалет, облупилась, и проступили более ранние слои точно такой же. Столь мерзкого сортира мне еще не приходилось видеть ни в одном самом занюханном баре; я мысленно перебрал их в памяти и убедился, что такой жуткой хезаловки она не сохранила. Я на минутку выскочил на крыльцо вдохнуть свежего воздуха, усилием воли отогнал от себя образ увиденного и прошел в ванную.

– Извините, – сказал я. Лайла меня поняла.

– Уж это вы нас извините, – сказала она.

Я постарался не зацепиться взглядом за саму ванну, но надписи над ней бросались в глаза:

**ЕСЛИ ТИМ ЛИРИ НЕ
БОГ, ЗНАЧИТ, БОГ УМЕР.**

**МОЙ ОТЕЦ УМЕР В БРИГАДЕ
АВРААМА ЛИНКОЛЬНА.**

И У ДЬЯВОЛА ЕСТЬ КИСКА.

ЧАРЛЬЗ ЛИНДБЕРГ – МИНЕТЧИК

Там были и другие граффити, но их невозможно было разобрать под слоем грязи.

– А теперь погуляйте сами, осмотритесь, прочувствуйте, так сказать, дух места. Покупка дома – такая морока. Не торопитесь и почувствуйте себя как дома.

Лайла вышла. Слышно было, как она спустилась по лестнице. Мы с Сарой пошли в холл. Со стены на веревке свисал заржавленный кофейник.

– Ой, мамочки, – сказала вдруг Сара, – мамочки!

– Что такое?

– Я вспомнила, что видела фотографию этого дома. Толь-

ко сейчас вспомнила! То-то, думаю, мне все знакомым кажется!

– И что же это за дом?

– Один из тех, где кого-то Чарльз Мэнсон уколошил!

– Ты уверена?

– Да, да!

– Надо сматываться...

Мы стали спускаться по лестнице. Внизу нас поджидала вся компания: Лайла, Дарлин и Двойной Квартет.

– Ну, – спросила Лайла, – что скажете?

– У меня есть ваш телефон, – ответил я, – созвонимся.

– Если вы творческие люди, – вставила Дарлин, – мы сбавим цену. Мы любим творческих людей. Вы творческие?

– Нет, – ответил я. – По крайней мере, я – нет.

– Я могу вам показать кое-что еще, – сказала Лайла.

– На сегодня хватит, – ответила Сара. – Надо передохнуть.

Нам пришлось пройти мимо каждого из них, и покуда мы прощались, Двойной Квартет все улыбался, улыбался...

Район Марина-дель-Рей переживал не лучшие времена. Для верности Джон Пинчот пользовался, передвигаясь в этих местах, зеленым «понтиаком» 1968 года, а Франсуа Расин – коричневым «фордом» 1958-го. А иной раз они не брезговали и мотоциклом – на этот случай у них имелась пара «кавасаки» – 750- и 1000-кубовый.

Однажды за руль «форда»-ветерана сел Веннер Зергог, он

забыл залить в радиатор воды, и мотор заглох навеки.

– Что поделаешь – гений, – сказал мне Джон. – Не от мира сего.

Когда Франсуа Расин слинял во Францию, Джон продал «форд».

И вот наступил день, когда он позвонил мне.

– Мне приходится съезжать. Тут затевают строить отель или еще что-то в этом роде. Черт, ума не приложу, куда деваться. Мне нельзя уезжать из города, надо подзаняться твоим сценарием. Как, кстати, он продвигается?

– Помаленьку.

– У меня наклеивается неплохая сделка. А если не выгорит, есть на примете один парень в Канаде. Только вот этот чертов переезд. Уже бульдозеры подогнули.

– Слушай, Джон, располагайся у меня. У нас есть наверху лишняя спальня.

– Ты серьезно?

– Вполне.

– Я в доме не засиживаюсь. Ты меня и видеть не будешь.

– Ты «понтиак» еще не сбагрил?

– Нет.

– Ну загружайся и давай сюда.

Я спустился вниз и сообщил Саре новость.

– У нас тут Джон немного поживет.

– Какой?

– Джон Пинчот. Его хижину стирают с лица земли. Буль-

дозерами. Пускай у нас перекантуется.

– Хэнк, ты же ни с кем не уживаешься. В момент взбеле-нишься.

– Ненадолго ведь.

– Ты будешь наверху на машинке стучать, а я тут внизу за все отдуваться.

– Устроимся как-нибудь. Не забывай, что Джон выплатил мне аванс за сценарий.

– Ну, Бог в помощь, – сказала она, повернулась и ушла в кухню.

Первые два вечера прошли сносно: мы с Джоном и Сарой пили и болтали. Джон травил байки, все больше про то, как трудно ладить с актерами и к каким ухищрениям приходится прибегать, чтобы они худо-бедно справились с ролью. Например, один парень в разгар съемок отказался произносить текст. Все делал как полагалось, но молчал как удушенный, требовал, чтобы какой-то там эпизод сняли по его причуде. А съемки шли где-то у черта на куличках, в джунглях, деньги кончались и времени оставалось в обрез. И тогда Джон ему говорит: «Черт с тобой, будь по-твоему». И сняли эпизод, как он хотел, и звук записали. Только пленку в аппарат не зарядили. И все дела.

Во второй вечер вино текло рекой. У меня тоже язык развязался, и я пересказывал свои старые истории. Когда перевалило за полночь, Джон сказал:

– Гизелла влюбилась в одного режиссера, а у него всего

одно яйцо...

Гизелла – парижская подружка Джона.

– Шаль, – сказал я.

– Теперь еще хуже стало. Второе тоже отказало. Рак. Гизелла в отчаянии.

– Да, невезуха.

– Еще бы. Я утешал ее как мог. Пишу, звоню. И прямо в разгар съемок.

(Неприятности всегда случаются в разгар съемок.) Гизелла – знаменитая французская актриса. Они с Джоном делили кров в Париже.

Мы с Сарой попытались его успокоить. Он взял сигару, обрезал кончик, лизнул, зажег, сделал затяжку и выпустил клуб ароматного дыма.

– Знаешь, Хэнк, я всегда знал, что ты напишешь для меня сценарий. Интуиция подсказывала. Причем я давно это знал. И давно начал искать деньги.

– Еще неизвестно, что у меня получится.

– Известно. Я читал все твои вещи.

– Мало ли что было. В писательском ремесле больше «бывших», чем в любом другом.

– К тебе это не относится.

– Я согласна с ним, Хэнк, – сказала Сара. – Ты настоящий ас. Зубы съел на этом деле.

– Но сценарий! Это все равно что с роликовых коньков встать на настоящие. И сразу выйти на лед.

– У тебя получится. Я был уверен в этом еще в России.

– В России?

– Да, прежде чем мы познакомились, я ездил в Россию искать деньги под этот проект.

– О котором я ни ухом ни рылом...

– Вот именно. Об этом знал только я. Из достоверных источников мне стало известно, что в России есть одна дама, у которой на счету в швейцарском банке восемьдесят миллионов.

– Похоже на дешевый телевизионный триллер.

– Похоже. Но я навел справки. У меня надежные каналы проверки. Но об этом я распространяться не стану.

– Нам это ни к чему, – сказала Сара.

– В общем, я раздобыл ее адрес. И начал плести интригу. Стал писать ей письма.

– И что – вкладывал в конверты свое фото в голом виде?

– Не сразу. Поначалу письма носили формальный характер. Я писал, что случайно наткнулся на ее адрес: он был нацарапан на клочке бумаги в коробке из-под обуви, которую я нашел в одном парижском доме. Я высказал предположение, что это перст судьбы. Вы не представляете, сколько потов с меня сошло, пока я сочинял всю эту муру!

– И все ради того, чтобы снять фильм?

– О, ради этого я и не на такое готов!

– Даже на убийство?

– Фу, что за вопрос! Итак, я слал ей письмо за письмом,

и мало-помалу они превращались в любовные.

– Я и не подозревала, что ты знаешь русский, – сказала Сара.

– Я писал по-французски. У дамы был переводчик. Она отвечала мне по-русски, а мне переводили на французский.

– Нет, это не годится даже для телевидения.

– Не спорю. Но меня сверлила мысль о ее миллионах, и оттого письма делались нежнее и нежнее. До крайности.

– Выпей-ка, – сказал я, наливая ему в стакан.

– И вот наконец она приглашает меня в гости. Я нежданно-негаданно оказываюсь в снегах России.

– В снегах России, значит...

– Я снял номер, который КГБ наверняка нашпиговал «жучками». В том числе туалет. Им было слышать, как мои какашки шлепаются на дно унитаза.

– Так и слышу этот звук.

– Не перебивай, слушайте дальше. Договариваюсь о свидании с дамой. Еду к ней. Стучу. Дверь открывается – на пороге прелестное создание. В жизни не видел такой красоты!

– Джон, умоляю...

– Увы, то была не моя корреспондентка, а переводчица.

– Джон, – спросила Сара, – признайся, сколько ты выпил до нас?

– Нисколько! Ни грамма! И говорю вам как на духу! Чистую правду! Ну вот, значит, вхожу в комнату, а там сидит старая карга, вся в черном, без зубов. Зато в бородавках.

Подхожу, кланяюсь. Беру ее руку, закрываю глаза и целую. Переводчица садится в кресло, наблюдает. Я к ней поворачиваюсь и говорю: «Мне хотелось бы поговорить с вами наедине». Она что-то говорит старухе. Та смотрит на меня и что-то отвечает. Девушка переводит: «Метра сказала, что хочет побыть с вами вдвоем. Но в церкви. Метра очень набожная».

«Я влюблен в вас», – говорю я девушке. Они опять переговариваются, девушка переводит: «Метра говорит, что любовь возможна, но сначала вам следует пойти с ней в церковь». Я киваю в знак согласия, старуха медленно встает с кресла, и мы уходим, оставляя прекрасную переводчицу...

– Нет, эта шутка, пожалуй, тянет на «Оскара», – сказал я.

– Потерпи. Я все-таки рассказываю о том, как выбивал деньги под твой будущий сценарий.

– Прости бога ради, Джон, я весь внимание.

– Ну вот, приходим в церковь, опускаемся на колени. Я неверующий. Стоим на коленях, молчим. Потом она дергает меня за руку. Поднимаемся, идем к алтарю. Перед ним полно свечей. Какие горят, какие нет. Мы зажигаем негорящие. Она от этого возбуждается. Губы дрожат, в уголках рта пена. Слюна стекает, исчезает в морщинах. Нет, я старость уважаю! Но иногда она отвратительна.

– А по-моему, чем меньше мыслей, тем моложавей вид.

– Вряд ли эта старуха изнуряла себя думами... Ну так вот, возжигание свечей сильно ее возбудило. Она стиснула мне руку – в этой дьяволице оказалось столько силищи! – и по-

тянула к распятию.

– Та-ак...

– Тут она меня отпустила, хлопнулась на колени и стала лобзать ноги Христа. Все их ислюнявила. Впала в раж. Затряслась вся. Потом поднялась, взяла меня за руку и указала на то место, которое только что целовала. Я улыбнулся. Она опять показывает. Я опять улыбаюсь. Тут она меня сграбастала и давай пихать на пол. Черт, думаю, ни хрена себе, вот попал, но вспоминаю про восемьдесят миллионов, бухаюсь на колени и целую ноги Спасителя. Они там, в России, их не вытирают. Слюна Метры, пыль – в общем, мне стоило немалых сил себя превозмочь. Метра опять меня сграбастала и потащила туда, где стоял народ. Мы снова опустились на колени. И вдруг она обхватывает меня руками и прижимается ртом к моим губам. Повторяю, я против старости ничего не имею, но это было все равно что целовать канализационный сток. Я отпрянул. Меня будто под дых ударили. Я отвернулся и сблевнул. Мы вместе покинули церковь. Я проводил ее до дому, купил бутылку водки и вернулся к себе в номер.

– Знаешь, если бы я такое написал в сценарии, мне бы дали пинка под зад.

– Ясное дело. Но это еще не все. За водкой я все обдумал и решил не отступать. Старуха, судя по всему, не в своем уме. Только безумец стал бы целоваться в церкви, правда? Разве что при венчании. А что, если...

– Поцеловался – можно и жениться? – догадался я.

– Так или иначе, сперва надо было убедиться в реальности восьмидесяти миллионов. Усидев бутылку, я принялся за длинное любовное письмо Метре, держа в уме переводчицу. И где-то между жарких любовных строк ввернул фразу о том, что хочу-де снять кино о нас двоих и что краем уха слышал о ее швейцарских денежках. Но это, мол, конечно, никакого отношения к моему появлению не имеет, хотя у меня и нет никаких средств. Просто мне ужас как хотелось воплотить на экране нашу любовь, чтобы о ней узнал весь мир.

– И все это ради того, чтобы добыть денег на постановку сценария, про который Хэнк даже не подозревал? – осведомилась Сара.

– Точно так.

– Ты спятил, – сказал я.

– Возможно. Тем не менее старая дама получила мое письмо и согласилась поехать со мной в Швейцарию забрать деньги из банка. Мы стали готовиться к отъезду. Совершили еще две совместные прогулки – поцеловать ноги Христу, возжечь свечи и облобызаться... А потом мне позвонил мой агент. Женщину, что хранила деньги в швейцарском банке, звали точно так же, как и мою старуху, и возраст у нее был такой же, только родилась она в другом месте и от других родителей. Вот такое идиотское совпадение. Я сел в лужу. Деньги пришлось выслеживать сызнова.

– Нет повести печальнее на свете, – сказал я.

– И каждое слово в ней – сущая правда, – сказал Джон.

– Что же заставляет тебя терпеть такие муки из-за какой-то киношки? – спросила Сара.

– Любовь, – ответил Джон.

Пару дней спустя мы опять приехали на студию Денни Сервера в Венеце.

– Тут один умник сочинил сценарий тоже про пьянь, – сказал Джон. – Поглядим?

И мы втроем – Джон, Сара и я – пошли смотреть кино. Народ в зале уже расселся по местам. А бар был закрыт.

– А бар закрыт, – сказал я Джону.

– Закрыт, – повторил он.

– Надо было чего-нибудь взять...

– Через квартал отсюда винный магазин. На той стороне, где набережная.

– Мы мигом.

Мы взяли пару красненького и открывалку. На обратном пути нас дважды останавливали попрошайки. В общем, когда мы добрались до студии и вошли в зал, попали в густую тьму – фильм уже крутили.

– Черт, – сказал я, – ни фига не видать. На меня зашикали. Я огрызнулся.

– Будьте любезны, потише, – пропищал женский голос.

– Давай сядем в первый ряд, – сказала Сара, – там вроде есть места.

Мы протиснулись вперед. Я наступил кому-то на ногу и

услышал в свой адрес: «Ублюдок!»

– От такого слышу, – ответил я.

Нам все-таки удалось нащупать два пустых кресла, и мы сели. Сара достала сигареты и спички, я откупорил бутылку. Стаканов у нас не было, я отхлебнул из горла и передал бутылку Саре. Она тоже отпила, вернула мне бутылку и прикурила сигареты для нас обоих.

Сценарий к фильму «Возвращение из ада» сработал парень, который раньше гнал «мыльные оперы», – Пэт Селлерс. Он стряпал серию за серией, покуда не проиграл схватку бутылке. И пошло-поехало: развод, утрата семьи, дома. Короче, Пэт скатился на самое дно. Но он совершил свой «камбэк», вернулся из ада. Написал вот этот самый сценарий. Ходит сухой как лист. Лекции какие-то читает. В помощь алкоголикам.

Я еще разок приложился к бутылке и передал ее Саре.

Не отрываясь от экрана. Там изображали социальное дно. Была ночь, развели костер. Для социальных низов герои выглядели слишком прилично одетыми. И совсем не походили на бродяг. Больше на голливудскую массовку или телевизионных статистов. И у каждого – машина с прицепом. Прямо с конвейера. Я таких и не видал никогда. Может, их специально наштамповали для съемок?

– Дай бутылку, – попросил я Сару.

Подняв ее над головой, я сделал внушительный глоток. И снова услышал за спиной шипение.

– Что за люди! – пожаловался я Саре. – Чего им от нас надо?

– Ума не приложу.

Я опять стал смотреть кино про бродяг с автоприцепами. Один из них толкал речь. Остальные внимали.

– ...бывало, просыпаюсь – не пойму, где я. Одеваюсь, выхожу, ищу машину – нет. И черт ее знает, куда подевалась. Иной раз часами искал...

– Это правильно, – сказал я Саре. – Со мной такое тыщу раз случилось.

Сзади опять зашикали.

– ...я не вылезал из вырезвителей. Деньги терял. Зубы мне высаживали. В общем – совсем пропащий был человек. И еще мой кореш-собутыльник Майк погиб в автоаварии.

Сара ткнула меня в бок.

– А теперь я в полном порядке. Сплю прекрасно. Начинаю чувствовать себя полезным членом общества. И Господь мне дороже этой дьявольской пьянки.

На глазах у него выступили слезы.

Сара опять меня пихнула.

А парень на экране продекламировал стишок:

Вот я опять нашел себя,

Я снова человек.

Из бездны Бог меня воззвал,

Я завязал навек.

Он поклонился, и все зааплодировали.

Потом завела речь женщина. Она пристрастилась к выпивке на вечеринках. Оттуда все пошло. Стала пить в одиночку. Цветы на окнах завяли, потому что она перестала их поливать. В потасовке с дочкой пырнула ее столовым ножом. Муж тоже запил. Потерял работу. Не вылезал из дома. И они пили вместе. Однажды она села в машину и уехала, взяв с собой чемодан с вещами и кредитные карточки. Пила в отелях. Пила, курила и смотрела телик. Она любила водочку. Раз ночью прикорнула с сигаретой, и постель загорелась. Приехали пожарные. Она лежала в драбадан пьяная, в одной ночной рубашке. Кто-то из пожарных ущипнул ее за ягодицу. Она засмушалась, прыгнула в машину как была, в дезабиле, прихватив только сумочку. Ехала и ехала как заведенная. К полудню следующего дня очутилась на пересечении Бродвея и Четвертой улицы. Резина стерлась, и она ехала на ободах, оставляя на асфальте колеи. Ее остановил полицейский. Загребли в изолятор. Шли дни. Никто не приходил ее навестить – ни дочь, ни муж. Она была совсем одинока. И вот однажды она сидит с воспитателем, и тот ее спрашивает: «Зачем же ты так упорно губишь себя?» – а она глядит на него и видит: на нее смотрит не воспитатель, а сам Спаситель. Вот и все...

– А как она догадалась, что это Спаситель? – громко спросил я.

– Что там за тип? – услышался в ответ чей-то голос.

Бутылка моя на тот момент опустела. Я откупорил новую.

Тут третий персонаж завел свою историю. Костер все горел и горел. Хотя никто не подбрасывал в него поленьев. И никто эту компанию не беспокоил. Закончив рассказ, третий исповедующийся полез в прицеп и вытянул оттуда дорожную гитару.

Я отхлебнул и передал бутылку Саре.

Парень подтянул колки и запел. Вполне правильно, поставленным голосом.

Пошла панорама: камера выхватывала то одно лицо, то другое. Все были зачарованы музыкой; кое-кто плакал, другие блаженно улыбались. Наконец песня кончилась, раздались жаркие сердечные аплодисменты.

– В жизни не видывал такой липы, – сказал я Саре.

А кино все не кончалось. Актеры по очереди рассказывали свои истории. На свет божий было извлечено еще несколько дорогих гитар. Потом последовал грандиозный финал. Появилась ударная звезда. Все лица обратились к нему. Наступила пауза. Тут он запел. Песню подхватила женщина. Подтянули другие. Слова, оказалось, всем известны. Вступили гитары. Зазвучал хор надежды и братства. Смолк. Кино кончилось. Зажегся свет. Пэт Селлерс поднялся на сцену. Зал зааплодировал.

Выглядел он ужасно. Лицо мертвое, глаза безжизненные. Он начал говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.